

Сергей Тюнин,

художник

«Я — ВРАГ всяких политипажей и модных выдумок. Товар должен продаваться лицом, и нечего его подслащивать этим кондитерством», — заявил Гоголь, когда ему предложили иллюстрировать «Мертвые души». Но сам же вскоре почувствовал необходимость изобразительного комментария. Интересна обложка «Мертвых душ», нарисованная самим Гоголем: в середине крупным шрифтом выделено слово «поэма», гораздо крупнее, чем само название книги; на виньетке — множество черепов, бутылки, бокалы, жареный гусь, трагические маски, а наверху — лихая тройка.

Для Гоголя было важно подчеркнуть, что его «Мертвые души» не роман, а именно поэма, и для этого он обратился к средствам графики.

С тех пор «Мертвые души» иллюстрировались много раз самыми разными художниками. Первым из них стал Александр Агин, определивший изобразительное решение этой книги на многие десятилетия вперед. И неудивительно — прекрасный художник, да еще и современник самого Гоголя.

Чуть ли не канонически стали иллюстрации другого художника XIX века. Когда произносят «Ноздрев»

или «Собакевич», то у большинства читателей перед внутренним взором возникают знакомые со школьных лет овалы портреты гого-

левских героев. Их нарисовал П. Воклевский, тоже современник писателя.

В советское время к бессмертной поэме обращались многие талантливые художники: Кукрыниксы, А. Лаптев, В. Горяев. Рисунки Виталия Горяева украсили великолепное издание «Мерт-

вых душ», выпешее в свет всего несколько лет назад.

Такое богатое наследие! Но у каждого художника есть своя заветная мечта. И такой мечтой для меня давно стало творчество Гоголя, и «Мертвые души» в первую очередь.

Дело в том, что это книга,

которую читали абсолютно все. Я познакомился с ней в школе, потом читал уже «для себя», потом перечитывал еще и еще. И каждый раз открывал в ней что-то новое. Хотелось выяснить хоть отчасти причину этой волшебной бесконечности. Прочитал у Белинского в статье «Похождения Чичикова, или Мертвые души»: «Поэмою Гоголя могут вполне насладиться только те, кому доступна мысль и художественное выполнение создания, кому важно содержание, а не «сюжет»... Содержание поэмы не в цепи похождений Чичикова, а в спелении поэтических образов и мыслей автора, которые и складывают истинный сюжет без кавычек. Вот почему так обильны и естественны лирические отступления, обобщающие самое незначительное событие до уровня вечной истины. Две дамы разошлись во мнении по поводу цвета лица губернаторской дочки, на что автор глубокомысленно замечает: «Есть, точно, на свете много таких вещей, которые имеют уже такое свойство: если на них взглянет одна дама, они выйдут совершенно белые, а взглянет другая, выйдут красные, красные, как брусника».

Проиллюстрировать непосредственно живую мысль Гоголя, высветить жемчужину авторского юмора! Заманчивая цель!

Меня с самого начала ув-

лекла новизна этого активного подхода к иллюстрированию, поэтому хотелось найти что-то новое и в трактовке основных героев «Мертвых душ». Но трудность в том, что все они много раз прекрасно нарисованы замечательными художниками, а повторять не хотелось. Помогло внимательное чтение строк произведения.

Новизна сама по себе не может стать самоцелью работы художника-иллюстратора, поэтому не менее почетной и трудной была задача показать Собакевича так, чтобы, глядя на его портрет, хотелось повторить вслед за Чичиковым: «Медведь! Совершенный медведь!». В лепке этого образа Гоголь не скупится на краски, художнику остается только бережно их взять и перенести на чистый лист, а там уж они сами проявят и лицо, которое природа «просто рубила со всего плеча: хватила топором раз — вышел нос, хватила в другой — вышли губы...», и спину, «широкую, как у вятских приземистых лошадей»...

Но вот приходит срок сдавать рисунки в производство. Грустно прощаться с образами, с которыми сжился за два года работы. Утешает лишь то, что они вернутся на страницах уже готовой книги, пойдут гулять по свету, и кто-нибудь, случайно увидев их, захочет еще раз перечитать Гоголя.

